

УДК 159.92

Л.С. Выготский и Ж. Пиаже: две концепции психической инверсии

Мазяр Олег Васильевич

Житомирский государственный университет имени Ивана Франко
ул. Большая Бердичевская, 40, г. Житомир, Украина, 10008**Аннотация**

В статье анализируются взгляды Л.С. Выготского и Ж. Пиаже на начальный этап развития и соотношения мышления и речи. Автором оцениваются их антагонистические концепции как части универсального процесса психической инверсии. Представленная схема двойной инверсии сочетает взгляды ученых и приводит к установлению сложной и внутренне противоречивой траектории психического развития человека. Противоречие является основой формирования психической единицы. Мышление и речь возникают в процессе дифференциации фундаментального психического абсурда. В статье объясняется функциональное значение эгоцентрической и социализированной речи в обеих концепциях.

Ключевые слова: *речь, мышление, абсурд, рефлекс, инверсия.*

Постановка проблемы. Решение теоретических проблем в психологии имеет первостепенное значение в силу того, что психологическая наука еще только нащупывает сущность исследуемых явлений. В силу этого громоздкие дискурсы исследователей не всегда целесообразно, но навязчиво дополняются многочисленными статистическими приложениями, описывающими человеческое поведение, когнитивное и эмоциональное реагирование. Внедрение математических расчетов нередко создает лишь условия для возникновения иллюзии понимания психической активности человека, тогда как механизмы психодинамики остаются за скобками анализа. Не говоря уже о том, что избыток статистических показателей не позволяет целостно моделировать природу психических явлений. В лучшем случае удастся выделить некоторые ее части, установить между ними корреляционные связи и на их основе предположить наличие причинно-следственных отношений.

Задача психологической теории – осмыслить эмпирические факты и явления, объяснить закономерность их динамики, предложить целостную картину саморегуляции. Ошибочность принципов интерпретации и обобщения психологических феноменов состоит в том, что исследователи стремятся предложить их рациональную схему. Рациональность, по их мнению, является залогом логичного и однозначного понимания психической активности человека и в перспективе ее антиципации. Несостоятельность такого подхода проявилась в образовавшейся методологической пропасти между академической и практической психологией. Теоретическая стройность многочисленных концепций разрушается при соприкосновении с психотерапевтической практикой. В связи с этим вполне закономерен расцвет психотерапевтических школ, каждая из которых изобретает свою модель личности и предлагает собственную интерпретацию ее психодинамики.

Решение теоретических проблем способствует тому, чтобы выстраивать диагностическую и психотерапевтическую работу, основываясь на четком понимании психодинамики, закономерностях ее развертывания, осуществлении мониторинга психического развития, профилактики кризисных явлений. В таком случае практическая работа будет исходить из метатеории, а не строиться на основании здравого смысла и стихийно сформировавшихся традиций, часто утративших свое первоначальное значение.

Первейшая задача психологической науки – определить исходное состояние психического развития человека, выделить настоящие психодинамические единицы. Мы предлагаем решение этой фундаментальной проблемы в контексте анализа полемики Л.С. Выготского и Ж. Пиаже, почти одновременно вышедших на проблему генезиса мышления и речи.

Основные положения концепций Л.С. Выготского и Ж. Пиаже. Наиболее важный момент в концептуальных схемах Л.С. Выготского и Ж. Пиаже – идентификация точки отсчета развития мышления и речи. В значительной степени она обуславливает правильность понимания получаемого на выходе результата. Исходная точка развития осталась, судя по всему, наиболее слабым местом у обоих исследователей. Сам факт незавершенности полемики указывает на теоретическую недоказанность предложенных тезисов.

Схему Ж. Пиаже можно определить следующим образом: *развитие простых внутренних психических форм (функций, элементов) в сложные внешние*. Это отвечает европейской традиции оценки развития человеческой психики, которая выводила мышление из ощущений и представлений путем их комбинирования по законам образования ассоциаций [1]. Исходной точкой мышления Ж. Пиаже считает примитивное доречевое состояние психики, именуемое аутистическим мышлением. Затем, по его мнению, добавляется примитивная речь, имеющая выраженный эгоцентрический характер. Эта форма речи обуславливает изменения мышления, строящееся еще за пределами законов формальной логики. Для этого типа мышления свойственен синкретизм (интеллектуальное связывание всего со всем). Ребенок может говорить только исходя из собственной ситуации удовольствия-неудовольствия, где логика и здравый смысл стерты ластиком удовлетворения потребностей. Умственное развитие состоит в способности выходить за пределы ситуационного реагирования при помощи постепенно открывающихся ребенку логических операций. Язык ребенка становится социализированным, а мышление – отвечающим законам логики [2].

В концепции Л.С. Выготского выведение сложных психических феноменов из простых осуществляется с многочисленными оговорками, а развитие идет из внешних психологических форм во внутренние. Речь идет не только о накоплении неких количественных показателей, переходящих в качественные, а о появлении совершенно нового принципа саморегуляции, привнесенного извне при помощи речевого взаимодействия [3]. Связь между стимулом и реакцией осуществляется посредством речевого знака. Знак в корне отличается от сигнала животного, поскольку способен вступать в семантические и синтаксические связи с другими знаками. Психическое развитие ребенка – это стремительное нарастание роли знаковой системы в процессе саморегуляции, ее последующее превалирование над первой сигнальной системой [4]. Следовательно, считает С.Л. Выготский, в теоретических рассуждениях необходимо исходить не из аутистического состояния индивидуальной психики, а из социальной ситуации развития, в которой оказывается ребенок. Этот социальный фактор обуславливает возникновение эгоцентрической речи, которая в дальнейшем переходит во внутренний план, а сама речь дифференцируется на внешнюю и внутреннюю.

Принципиальное отличие обеих концепций происходит уже на первом этапе формирования мышления и речи. Отечественная наука в этом споре склоняется перед авторитетом Л.С. Выготского, однако у Ж. Пиаже оказались веские аргументы в пользу своей теории [5]. Похоже, нет никаких оснований считать, что кому-то удастся переубедить противоположную сторону. Однако не потому ли, что ответ на эту научную проблему лежит в стороне? Не посредине, как часто бывает, а именно на равноудаленном расстоянии, которое не является кратчайшим к концептуальным взглядам Л.С. Выготского и Ж. Пиаже?

Принцип психической инверсии. Наша точка зрения на эту дилемму сформировалась в рамках разработки исследовательского замысла Б.Ф. Поршнева касательно вопроса филогенеза человека [6]. Последний считает, что Л.С. Выготский революционно вынес суть

развития из замкнутого интрапсихического пространства индивида на просторы интерпсихического взаимодействия субъекта. Другими словами, заострил внимание на факторе речи в психическом развитии человека. Ее значение понималось даже физиологами, которые максимально дистанцировались от психологической методологии. Л.С. Выготский сделал решительный шаг от структурно-элементаристских представлений в психологии начала XX столетия и коренным образом сместил акценты анализа процесса сапиентации. Для Л.С. Выготского основная проблема психологической науки состояла в объяснении взаимосвязи мышления и речи. Это объяснение изначально осложняется тем фактом, что человеческое мышление имеет очевидный эквивалент интеллектуальной деятельности животных (например, инсайт), в то время как животные эквиваленты человеческой речи (сигналы) слишком слабы, чтобы можно было прокладывать стандартный эволюционный мост между ними. Вместе с тем очевидно, что мышление человека могло сформироваться только в связи с появлением речи. Остается лишь вопрос, что явилось ключевым фактором психического развития человека – мышление или речь? Речь выводит мышление на новый уровень функционирования или развитие интеллектуальной деятельности приводит к появлению речи у предкового существа?

Разгадка неточного попадания Л.С. Выготского и Ж. Пиаже в исходную точку психического развития ребенка состоит в том, что, отвергнув необходимость физиологической аргументации, они не имели возможности разобраться в физиологической сути как мышления, так речи. Хотя ко времени формирования их концептуальных положений исследования Н.Е. Введенским феномена парабиоза [7], А.А. Ухтомским принципа доминанты [8] и И.П. Павловым условных рефлексов [9] были детально обсуждены и приняты научной общественностью. К тому же указанные физиологические теории требовали именно психологической оценки, поскольку их целостное понимание в отношении человека оказалось возможным уже вне лабораторий посредством наблюдения и изучения анамнеза психических расстройств.

Б.Ф. Поршнев, решая фундаментальный вопрос филогенеза человека не мог обойти стороной проблему мышления и речи. Синтезируя доступные ему знания из разных научных областей, он установил, что развитие человека – это не постепенная эволюция психики, а революционное изменение, в основе которого лежит *принцип психической инверсии*. То есть мышление человека – это перевернутый интеллект животного, а речевой знак – перевернутый сигнал. Человеческая эволюция представляет собой выстраивание содержания психики, противоположного животному. Б.Ф. Поршнев вплотную подошел к тому, чтобы объяснить противоречие Л.С. Выготского и Ж. Пиаже, поскольку до чрезвычайности заострил внимание на способности человека продуцировать *абсурд*. Он даже указал на физиологическое начало революционной психической инверсии – ультрапарадоксальная стадия парабиоза. Речь идет о столкновении двух центров возбуждения, которые, согласно нормальному течению парабиоза, должны быть заторможены [10], но из-за ряда причин продолжают быть в возбужденном состоянии, лишь изменяя конфигурацию возбужденного и заторможенного центров. У человека происходит их сдвигание и, по сути, формирование нового элементарного образования, часть которого заторможена, а часть – возбуждена. Интересно, что приблизительно в то же время З. Фрейд зафиксировал и даже поставил во главу угла тот же феномен, названный неудачным вытеснением [11]. Т.е. к середине 1930-х годов уже существовало, если не достаточно четкое представление, то серьезные подвижки в психологическом понимании принципа абсурда, лежащего в основе психического функционирования человека.

Тем не менее, Б.Ф. Поршневу не удалось сделать последний шаг к интерпретации этой самой ультрапарадоксальной стадии парабиоза, когда происходит первичная инверсия бинарного образования (дипластии), т.е. переворачивание парадоксальной стадии на противоположную. Поскольку ключ к ответу лежал не в патологии психического развития, как утверждал Л.С. Выготский [12], которую Б.Ф. Поршнев, в свою очередь, пристально

изучал для поиска аналогий с отдельными этапами филогенетического развития человека [13]. Ключ – в пограничном состоянии между нормой и патологией – в неврозе.

Б.Ф. Поршнев рассматривает невроз в качестве важнейшего источника понимания специфики человеческого поведения, но он ограничивается фиксацией аномальной инертности ультрапарадоксальной стадии парабриоза, которая приводит к формированию абсурда [6]. По нашему мнению, вопрос необходимо ставить значительно глубже, нежели сводить его к вычислению времени протекания ультрапарадоксальной стадии у человека и животного. Более того, эта инерция противоречила эволюционной целесообразности, поскольку не позволяла предковому существу сравнительно быстро находить релевантную реакцию. Другими словами, инертность скрывает иные психические процессы, которые оказались биологически выгодными. Именно здесь раскрывается огромная ценность психотерапевтической теории и практики, от которой даже классики физиологии пренебрежительно отмахиваются [9]. Ценность состоит в продолжительных наблюдениях и понимании динамики психического развития – того, что сугубо технически не может быть исследовано в пределах строгого лабораторного эксперимента. Пусть психотерапевты различных школ по-разному называют наблюдаемые психодинамические феномены, пусть дискутируют и опровергают друг друга в деталях. Важнее то, что они извлекают сходное психическое сырье. Наиболее наглядным примером могут служить понятия «неудачного вытеснения» и «незавершенного гештальта», которые суть один психический феномен. Вокруг этих ключевых понятий выстраиваются большие концепции психоанализа и гештальтпсихологии.

Инертность ультрапарадоксальной стадии не означает приостановку психодинамики, ее ригидность, фиксированность, неподвижность. Наоборот, психические изменения нарастают с необычайной силой и становятся поводом для обращения субъекта за психологической помощью. Специфика этого состояния в том, что начало и конец ультрапарадоксальной стадии в целом совпадают из-за действия двойной психической инверсии. Поэтому субъект фактически возвращается к изначальному состоянию, хотя на самом деле происходит двойная инверсия, перевернувшая физиологический процесс дважды. Двойная инверсия создает условия для появления состояния «то же, но не то» [14].

Процесс двойной инверсии ультрапарадоксального состояния мы считаем фундаментальным и универсальным механизмом человеческой саморегуляции, имеющим различные временные измерения. Можно рассматривать минимальные циклы в границах настроения, психологических игр и даже жизненного сценария в трактовке транзактного анализа.

Элементарная единица психики человека. Указанный выше процесс нас интересует в связи с определением старта развития мышления и речи, выяснения причины их дальнейшей симультанности. Л.С. Выготский и Ж. Пиаже, по-видимому, испытывали наибольшие трудности с выяснением начального психического состояния ребенка. Они его моделировали на основе видимого им результата психического развития. Отсюда некоторая размытость концепций «социальной речи» и «внеречевого аутистического мышления». И то, и другое требует детального объяснения, а оно остается настолько дискуссионным, что ученые аргументировано высказали противоположные мнения. Но не таится ли в этом антагонизме сущность психического начала человека? Точнее, не является ли смоделированное противоречие *элементарной единицей человеческой психики*? Т.е. антагонизм не суть ли нормальное психическое состояние, отягощенное невротическим расстройством, побуждающим человека развиваться?

По нашему мнению, Л.С. Выготский и Ж. Пиаже в своих теоретических построениях ухватили по половине этого психического состояния и абсолютизировали его значение до масштабов начальной точки развития. Но поскольку это были все-таки части психического состояния, то попытка целостного моделирования этого феномена оказалась дискуссионной. Главная причина такой абсолютизации в том, что ученые в своем дискурсе неизбежно

наталкивались на состояние абсурда. Если отбросить опасения логического толка, осмелимся предположить, что Ж. Пиаже понимал абсурд под углом «социального аутизма», а Л.С. Выготский – под углом «аутистической социальности». И первое, и второе теряет смысл и является невозможным в контексте научного анализа. Ученые же наверняка ставили первостепенную задачу избавиться от абсурда как крайне неудобной и даже неуместной категории в теоретико-методологическом анализе, поскольку она умножает на ноль любые структурно-функциональные построения. Поэтому они разбивают абсурд молотом рациональности на две глыбы и на расколотом психическом материале создают свои концептуальные скульптуры. Тогда как настоящую скульптуру можно создать исключительно на материале неповрежденного абсурда.

Какова природа фундаментального психического абсурда? В наиболее общем плане он образуется в результате столкновения *первой сигнальной системы* со *второй знаковой системой*. Если такого столкновения нет, индивид не становится человеком. Результат столкновения – безусловное подавление первосигнальных импульсов, но не абсолютное доминирование второй сигнальной системы. Мы получаем преломление второй сигнальной системы через первую, в результате чего знаковая система приобретает уникальность, которая объективируется в особенностях характера, воспитанности, социальности и т.д. Настоящим предметом психологии должно стать указанное преломление, но его понимание выходит за рамки формальной логики. Последнее обстоятельство обуславливает тенденцию ученых необоснованно рационализировать начало психического развития человека, максимально сводить его к категории «постепенности», которая лишь в определенные периоды прерывается кризисами возрастного и социального характера.

Л.С. Выготский, безусловно, прав, когда пишет, что социальный аспект речи первичен, поскольку субъекту методично навязывают знаковую систему, которая вступает в конкурентные отношения с первой сигнальной системой. Но и Ж. Пиаже, очевидно, имеет основания для моделирования аутистического мышления, так как знаковая система сразу не занимает доминирующего положения в системе саморегуляции, а создает некоторое промежуточное состояние, которое Б.Ф. Поршнев, вероятно, мог бы назвать первичной инверсией сигнальной системы.

Однако истинное очеловечивание ребенка становится возможным только при условии следующего выворачивания саморегуляции, т.е. после того, как произойдет инверсия инверсии. Строго говоря, *человека нельзя назвать антиживотным*; на самом деле *человек – антитезис антиживотного*, на что в свое время в других категориях указывал Б.Ф. Поршнев. Следуя логическим правилам, мы допускаем ошибку, поскольку двойное отрицание должно приводить к утверждению того же. Но выворачивание вывернутого в психическом аспекте не приводит к изначальному результату, а предлагает совершенно иной результат. Антитезис антиживотного отличается от антиживотного уже по видовым качествам, но и антиживотное отличается от животного также по видовым качествам, существенно удлиняя их эволюционную дистанцию. Соответственно, между антитезисом антиживотного и животным простилается некомпенсируемая пропасть психического развития. Ж. Пиаже и Л.С. Выготский каждый по-своему *пытались идентифицировать ненаблюдаемое во взрослом возрасте антиживотное состояние ребенка и показать процесс формирования его антитезиса в эгоцентрической речи*.

Физиологическая природа абсурда. В основе преломления знаковой системы человека лежит принцип парабиоза, открытый Н.Е. Введенским. Его действие непосредственно связано с принципами формирования доминанты А.А. Ухтомского и рефлекторной деятельности И.П. Павлова. Это можно представить следующим образом: при столкновении двух очагов возбуждения затормаживается тот из них, который оказывается более сильным. В дальнейшем возможна инверсия этого процесса, когда состояние возбуждения возвращается к более сильному очагу. Это происходит на ультрапарадоксальной стадии парабиоза. Она невротична по содержанию: организм

производит неадекватные рефлексy. Это, в свою очередь, необходимо рассматривать как естественную лазейку для формирования рефлексов. Но если животные подолгу на ней не задерживаются и довольно быстро стабилизируют свое состояние, то человек демонстрирует значительную инерцию ультрапарадоксального состояния [6]. Если у животных ситуация абсурда эпизодична и относительно коротка, то у человека она продолжительна, постоянна, что дает основания для ее понимания в качестве психической нормы.

Конечно, таким пониманием ультрапарадоксального состояния нельзя проложить эволюционный мост над пропастью животного и человека. На основании наблюдений мы допускаем, что инертность скрывает две инверсии, которые, с одной стороны, дают на выходе приблизительно тот же результат, какой был в начале формирования ультрапарадоксального состояния, а с другой, – ставят человека в условие принуждения к сопоставлению различных психических состояний, которые он испытал за время двойной инверсии.

Табл. 1.

Стадии парабизоа	Наблюдаемый результат	Реальный результат
Уравнительная	++	++
Парадоксальная	+–	+–
Ультрапарадоксальная фаза I	–+	⁺ – ⁺
Ультрапарадоксальная фаза II	+–	⁺ – ⁺
Ультрапарадоксальная фаза III	–+	⁺ – ⁺

Как видим из табл. 1, наблюдаемый результат на первой и третьей фазе идентичен, но реальный результат несколько иной («то же, но не то»). Очередная психическая инверсия приводит к тому, что возбуждение очага предполагает наличие обязательного «хвоста» из прежних состояний торможения и возбуждения. Возбужденный очаг имеет свою историю развития и потому «ассоциативно» предусматривает дополнительные, ранее возбуждаемые и тормозимые психические реакции, их уникальный характер взаимодействия. Имея наблюдаемую идентичность парадоксальной стадии и второй фазы ультрапарадоксального состояния, а также первой и третьей фаз, мы констатируем, что они тождественно нетождественны («и то, и не то»). По форме получаем то же самое возбуждение очага, но содержательно этот очаг включает в себя несколько иную констеляцию центров. Именно этот полный цикл инверсии, когда два психических состояния «возвращаются», но видоизмененными, становится физиологической предпосылкой для формирования и фиксации антагонистической реакции. Столкновение двух различных очагов возбуждения в конечном счете приводит к развитию уникальной психической единицы, элементарной когнитивной формой которой является абсурд.

Синкретизм и дезабсурдизация. Абсурд – начальная форма психического функционирования человека. Знак, в основе которого лежит зафиксированная абсурдная реакция, является элементарной единицей измерения психической активности человека. На условном уровне антиживотного индивида абсурд интегрирует в самых вычурных комбинациях и феномен первичной социальной речи Л.С. Выготского и феномен аутизма Ж. Пиаже. При этом *эгоцентрическая речь и мышление ребенка становятся попыткой достижения первичной дезабсурдизации этого процесса, что можно квалифицировать как формирование антитезиса антиживотного.*

Каковы предпосылки для формирования антитезиса антиживотного? Функционально эгоцентрическая речь очерчивает границы первосигнальных импульсов, сопоставляет с другими импульсами. С физиологической точки зрения, эгоцентрическую речь следует рассматривать как попытку затормозить часть абсурдной реакции и, таким образом, сделать ее рациональной, одновекторной, конкретной, понятной самому субъекту. Абсурдная реакция требует своей дифференциации, поскольку спутана с дополнительными реакциями и, таким образом, теряет конкретность, однозначность, четкую направленность. «Очищение»

импульса – физиологическая необходимость. Мышление становится процессом воссоздания первичного антагонизма двух очагов возбуждения еще на уравнивательной стадии парабиоза, а в психотерапии – осуществлением выбора между ними. У Ж. Пиаже этот процесс закономерно заканчивается формированием социализированного языка и логического мышления, а у Л.С. Выготского – переводением внешней речи во внутреннюю. Здесь расхождения ученых менее очевидны, несмотря на заострение внимания на внешних и внутренних процессах. Внутренняя речь, по Л.С. Выготскому, точно также социализирована, как и в представлениях Ж. Пиаже. Ее главное отличие – это неразвернутая диалогичность. Точнее, следует говорить о полилоге эгоцентричности с различными социальными агентами, которые неизменно сопутствуют процессу идентификации отдельных частей абсурда.

Поскольку образование абсурда лежит в основе психического реагирования человека, то процесс дезабсурдизации вторичен, постоянен, непрерывен. Раскрытие механизма дезабсурдизации – предмет отдельного исследования. Сейчас важно отметить, что мышление в его подлинном понимании суть речь (или жестовый язык). И здесь мы вступаем в конфронтацию с Л.С. Выготским, который обосновывает положение о том, что мышление и речь не имеют общего генетического происхождения. По его мнению, мышление и речь начинают развитие независимым друг от друга путем и связываются лишь впоследствии [3].

Действительно, наблюдения убеждают, что у детей раннего возраста развитие речи в значительной степени происходит без очевидных интеллектуальных операций, а мышление не обязательно требует речевого сопровождения. Но такое убеждение возникает потому, что мы судим о мышлении и речи уже на этапе сформировавшегося антитезиса антиживотного, тогда как на предшествующем этапе антиживотного мышление и речь суть один процесс. Вопрос только в степени сформированности знаковой системы. Совершенно очевидно, что знаковая система способна функционировать за пределами звуков (жестовый язык). Различная объективация единства мышления и речи через невербальное познание и лепет хотя и кажется весомой в плане психического развития, на самом деле когнитивно объединена рефлекторной неопределенностью субъекта. Абсурд как условие психического функционирования избавляет человека от рефлекторной предопределенности, но не от необходимости четко реагировать. Во многих случаях рефлекторная реакция невозможна по сугубо объективным физиологическим причинам. Что же возникает на ее месте? Постоянное синкретическое сдваивание импульсов и усиление последующих попыток устанавливать различия, порождаемые ультрапарадоксальным состоянием. В этом разнонаправленном акте речь и мышление смыкаются. Точнее, речь возникает как инструмент формирования и дифференциации абсурда.

Рефлекторная деятельность животного – это поиск известных стимулов и неотвратимое реагирование на них. Ребенок же под возрастающим влиянием знаковой системы взрослых оказывается в ситуации невозможности реагировать рефлекторно. Проблемой становится не поиск знакомого стимула и рефлекторного реагирования на него, а необходимость дифференциации своего психического состояния. Рефлекс изживается из саморегуляции. Его место все чаще занимает противоположная синкретическая реакция, интегрирующая любые нетождественные импульсы и действия. Но и эта реакция со временем подпадает под действие инверсии и вынуждает индивида тяготеть к дифференциации психического материала, т.е. «возвращаться» к рефлекторной определенности, конкретности психической реакции. Другими словами, на этом этапе принципиален синкретизм восприятия, а не внеречевое мышление и немыслительная речь, являющиеся его закономерным следствием. Собственно, *это не мышление и не речь в привычной трактовании, а, скорее, их антитезис, так как в их основе содержится еще не знаковая система, а только необходимость дифференцировать абсурд. Мышлением и речью они станут тогда, когда объединяться в симультанном процессе и приобретут способность воссоздавать нечто подобное к рефлекторному реагированию.*

Заключение. Проблема соотношения мышления и речи не нова для психологии, но ее решение по-прежнему откладывается. Причина тому – отсутствие понимания элементарной психической единицы, ее структуры и функциональной нагрузки. Л.С. Выготский и Ж. Пиаже сумели вскрыть, пусть частично и антагонистично друг по отношению к другу, начальный этап развития и взаимодействия мышления и речи. Мы, в свою очередь, предлагаем к рассмотрению схему двойной инверсии, которая сочетает взгляды обоих ученых и приводит к установлению сложной и внутренне противоречивой траектории психического развития человека. Фундаментальным принципом развития человеческой психики является формирование абсурда как естественного антагониста рефлекторного принципа реагирования. Инверсия синкретически образованных бинарных структур (абсурда) приводит к физиологической необходимости дифференцировать психический материал (процесс дезабсурдизации). Речь и мышление в этом процессе формируются и функционируют в качестве инструмента дезабсурдизации.

Список литературы

1. Бэн А. Душа и тело / Пер. с англ. Издание Киевского книгопродавца Ф.А. Иогансона. К.: В университетской типографии (И.И. Завадского), 1880.
2. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1960.
5. Ответ Ж. Пиаже на замечания Л.С. Выготского к книгам «Речь и мышление ребенка» и «Суждение и рассуждение ребенка» // Психология мышления. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Ф. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. М., 2008. С. 519–523.
6. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Издательство «Мысль», 1974.
7. Введенский Н.Е. Избранные произведения. Ч. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950.
8. Ухтомский А.А. Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966.
9. Павлов И.П. Лекции по физиологии. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952.
10. Гальперин С.И. Физиология человека и животных: учебное пособие для студентов университетов и педагогических факультетов / [Изд. 4-е перераб. и доп.]. М.: Изд-во «Высшая школа», 1970.
11. Брилл А. Лекции по психоаналитической психиатрии. Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
12. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1 / [под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского]. М.: Педагогика, 1982.
13. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Издательство «Наука», 1966.
14. Мазяр О.В. Психофізіологічний механізм формування невротичного розладу // Врачебное дело. 2017. № 7. С. 110–116.